

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НАР. АРТ. РЕСП. В. А. МИЧУРИНОЙ-САМОЙЛОВОЙ

ПОЛВЕКА НА СЦЕНЕ

В ближайшее время Гос. театр драмы издает мемуары народной артистки республики В. А. Мичуриной-Самойловой «Полвека на сцене Александринского театра». Мемуары выходят под редакцией О. С. Данилова, с вводными статьями К. Н. Державина и С. С. Данилова и с примечаниями А. Г. Мовшенсона. К мемуарам прилагаются воспоминания о семье Самойловых, частично публикуемые впервые. Ниже мы печатаем отрывок из главы «Учителя и товарищи».

580
Я пришла в Александринский театр помимо театральной школы. Но я пришла в школу. Я сразу же попала в среду таких больших мастеров русской сцены, что каждый день общения с ними мог заменить годы подготовительной театральной учебы. С первых же шагов моей сценической деятельности меня окружали К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, Н. Ф. Сазонов, В. В. Стрельская, П. А. Стрепетова... И каждый из них помогал мне примером своего высокого художественного творчества.

Моем большим другом, строгим другом по сцене вскоре сделался В. Н. Давыдов. Он радовался каждому моему успеху, но всегда прямо говорил, если что-нибудь ему не нравилось. В год моего поступления на Александринскую сцену Давыдова здесь не было. Он на время ушел из Александринского театра и в первый раз я увидела его несколько позднее. Шла «Свадьба Кречинского» с Давыдовым в роли Расплюева. Весь спектакль я хохотала от души, но, когда в последний раз опустился занавес, я вдруг заметила, что мой платок влажен от слез. И, только вернувшись из театра, я поняла ту трагикомедию, которая была развернута Давыдовым на сцене.

Расплюев — Давыдов появлялся на сцене в поломанном цилиндре, в неправильно застегнутом сюртуке, с избитым опухшим лицом, с трясущимися руками. В каком-то оцепенении он двигался прямо по направлению к рампе и, казалось, что не остановится, что пройдет через весь зал.

При первых же репликах было видно, что у Расплюева болят все кости: он боялся облокотиться на спинку стула, боялся прислониться к стене и, если делал это, то тотчас же отодвигался, отходил. Он так пожимал плечами, что было видно, как у него болит все тело. Эти отдельные движения Расплюева — Давыдова были очень смешны, но в целом становилось жутко и больно за человека. А когда Кречинский уходил и оставлял Расплюева с Федором, Давыдов поднимался до трагических высот. «Пусти, брат, ради Христа создателя пусти. Ведь у меня гнездо есть: я туда ведь пишу таскаю», — го-

ворил Давыдов с таким надрывом, что слезы выступали у всех зрителей.

Я много раз видела Давыдова в этой роли. Он плакал настоящими слезами, при этом плакали не только глаза — плакало все его лицо. И я много раз его спрашивала:

— Как вы можете так плакать?

— Я всегда думаю в это время, что это мои дети, — отвечал Давыдов.

Но вот возвращается Кречинский и дает Расплюеву узелок. «Возьми да займись покуда делом», — бросает Кречинский. Расплюев развязывает салфетку и оттуда вываливается куча денег. Надо было видеть Давыдова в этот момент. Очень долго Расплюев — Давыдов не понимал, что перед ним настоящие деньги. Он трогал их, протирая глаза, гладил их, как живые существа. Затем он начинал их считать, целуя и разглядывая каждую бумажку. Но от волнения у него трясутся руки. Наконец, он начинает приходить в себя. Сперва он улыбается, затем вообще оживает и вдруг заливается смехом и совершенно омолаживается. Еще несколько секунд — и он с восторженным проникновением говорит каким-то особенным, свежим, почти юным голосом:

— Был здесь, в Москве, профессор натуральной магии и египетских тайнств г. Боско: из шляпы вино лил красное и белое, канареек в пистолеты заряжал; из кулака букеты жертвовал всей публике; ну, этаким штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он,

Боско, против Михаила Васильевича мальчишка и ценой!

Ослепительный фейерверк интонаций давал Давыдов в этой сцене, переходя от недавних слез к беспредельному восторгу. Казалось, что он бросал в

В. Н. Давыдов в роли Расплюева

зал горсть бриллиантов: так блестяли все его слова. Но за всем этим восторгом и здесь был виден несчастный отец, избитый и униженный человек.

В роли Расплюева Давыдов почти не

прибегал к внешним эффектам. Только несколько легких трюков он допускал в последнем акте. Когда подавали чай, он пытался первым взять себе чашку, которую пронесли мимо него. Получив, наконец, чай он от поспешности обжигал себе рот. В разговоре с Муромским он от неожиданности фыркал в чашку. Когда приходил Нелькин и говорил о негодяе в белых перчатках, Давыдов прятал руки за спину, снимал перчатки и убрал их в задний карман. В дальнейшем разговоре он все время подчеркивал, что руки у него без перчаток.

Но все эти трюки Давыдов делал необычайно мягко. Он не удлинял их для того, чтобы посмеяться публике, он не придавал им самодовлеющего игрового значения. Он органически вводил их в рисунок роли. А этим общим рисунком была вся жизнь Расплюева. По ходу пьесы Давыдов был очень смешон. Но, как гениальный актер, он играл не только данные положения пьесы, он раскрывал всю биографию Расплюева, показывал, как он дошел до такого падения. И страшно становилось за судьбу человека.

В роли Расплюева Давыдов произвел на меня неизгладимое впечатление. Воспоминания о нем у меня прежде всего связываются с этой ролью и после его смерти я избегаю смотреть эту пьесу.

Но бывали у Давыдова и срывы. Ему страстно захотелось сыграть Репетилова. Я не участвовала в этом спектакле, но специально пошла посмотреть. Да-

выдова в новой роли. Как он играл! На это можно ответить одним страшным для актера словом: «скучно». Возвращаясь со сцены, он прошел мимо меня.

— Видали?, — с раздражением спросил он.

— Видала.

— А больше не увидите! — И крайне недовольный собой он заперся в своей уборной.

Творчество Давыдова до сих пор еще не изучено. Более того, еще даже не собраны те материалы, которые позволили бы хотя бы отчасти понять, как создавались его бессмертные образы. И здесь я не могу не сделать — нескольких отдельных замечаний по этому вопросу.

Давыдов никогда не имитировал других актеров. Но он всегда внимательно присматривался к творчеству старых мастеров театра. Он изучал их опыт.

Если мне нравятся отдельные краски другого актера — я их беру себе. Но взяв, освещаю их по-своему, своим внутренним образом. — Так не раз говорил мне сам Давыдов.

Давыдов был очень дружен с Надеждой Васильевной Самойловой и часто бывал у нас. При этом он обстоятельно расспрашивал Надежду Васильевну об актерах ее времени, главным образом о Мартынове. Игрою Мартынова, созданными им образами Давыдов очень интересовался.

Давыдов прекрасно пел. Не имея оперного голоса, он, тем не менее, так музыкально и проникновенно исполнял романсы, что публика прямо останавливала действие, заставляя его бисировать по несколько раз.

Из мелких черточек, характеризующих Давыдова, не могу не упомянуть, что он страстно любил фокусы и обожал цирк.

В житейском обиходе Давыдов отличался большой душевной добротой, исключительной сердечностью и неиссякаемой веселостью.

Я служила с Давыдовым в Александринском театре почти 30 лет. Летом я постоянно гастролировала с ним в провинции. Бесконечное количество раз я участвовала в тех спектаклях, где играл Давыдов.